

Недостоверность мистификации

Придумал ли Виктор Ерофеев канадскую литературу?

Борис Орехов

(Москва)

Недостоверность источника чаще всего подразумевает ложность позитивного утверждения. Однако мне хочется обратить внимание на случай, когда нечто достоверное ставится под сомнение. Причём сомнения прямо насаждаются самим автором.

Виктор Ерофеев сейчас известен как писатель и телеведущий, так что уже практически забыто, что в застойные времена он работал в Институте мировой литературы им. М. Горького (ИМЛИ) и писал кандидатскую диссертацию о влиянии Достоевского на французский экзистенциализм. Его номенклатурное положение (сын высокопоставленного дипломата) пошатнулось после составления неподцензурного альманаха «Метрополь». Ерофеев был уволен из института, но потом восстановлен и отправлен, по его словам, «в особую ссылку – заниматься канадской литературой» (Ерофеев 2008: 345). В этот момент советское литературоведение, и прежде всего ИМЛИ, было занято подготовкой капитального труда – девяти томной «Истории всемирной литературы» (девятый том никогда не вышел). Ерофеев был вынужден принять участие в составлении этого издания в качестве автора «канадских» глав в седьмом и восьмом томах. В автобиографической книге «Хороший Сталин» Ерофеев пишет:

Мне нужно было начинать с нуля. Я пошёл в Иностранную библиотеку <Всесоюзную библиотеку иностранной литературы – *Б. О.*>. Там – ничего. Я хотел было сходить в канадское посольство, но меня предупредили, чтобы я это не делал. Шло время. Я понимал, что если к сроку не сдам

главу о началах канадской литературы, меня снова выгонят из ИМЛИ, но на этот раз по делу, за профнепригодность. До обсуждения моей работы на отделе оставалось две недели – у меня ничего не сделано. Я снова пошел в Иностранку, взял с полки канадскую энциклопедию. О литературе там были крохи: перечисление имен с датами жизни и смерти. <...> Никакой картины не складывалось. <...> После этого я взял пишущую машинку <...> и стал писать, “фламбуаянтно” сочиняя биографии канадских писателей, их полемику между собой, ядовитые критические рецензии, религиозные распри, борьбу за становление национальной литературы, а главное, сюжеты романов. Я придумывал их, один за другим, сочинял характеры героев. Сюжеты в закамуфлированной форме вращались вокруг истории с “Метрополем”, переплетаемой любовными интригами (Ерофеев 2008: 345).

По словам Ерофеева, его труд был высоко оценён на обсуждении, и именно этот текст сейчас помещён в «Истории всемирной литературы», репрезентируя «историю канадской литературы». Ерофеев неоднократно повторял эту версию в телеэфире, в своей телепередаче «Апокриф», и на встречах с читателями и даже в личных беседах. Как будто намёком на мистификацию звучит последняя фраза главы: «Франко-канадская литература прошлого века, несмотря на значимость ее патриотического направления, в известной мере осталась литературой упущенных возможностей, ненаписанных книг» (Ерофеев 1991: 571). Правда, из этого чистосердечного признания остаётся не до конца ясным, сочинены таким образом обе части вошедшего в многотомник текста Ерофеева (и в седьмом, и в восьмом томах) или только глава «о началах», то есть «Канадская литература» в седьмом томе¹. Скорее, первое, насколько можно судить по фразе «с тех пор я придумал всю канадскую литературу от начала до конца. Ни слова правды» (Ерофеев 2008: 346).

---

¹На самом деле глава «о началах» канадской литературы помещена в шестом томе «Истории всемирной литературы» и принадлежит перу не Вик. Ерофеева, а Н. И. Ванниковой и И. М. Катарского.

Необходимо уточнить, что в своём описании истории канадской литературы Ерофеев как раз практически избегает упоминаний о сюжетах. Подглава о канадской литературе на английском языке вовсе обходится без фабульной конкретизации, а та часть, которая рассказывает о литературе на французском языке, содержит на этот счёт такие пассажи:

На первый взгляд, это роман приключений, к которому канадская публика особенно благоволила, однако главное в книге не борьба чувства и долга в душе героини, попавшей в традиционный “треугольник”, а фон, на котором бушуют подобные страсти. <...> Среди этих романов назовем “боевой христианский роман” (по определению самого автора) Ж.-П. Тардевиля “За Родину” (1895). Действие его происходит в 1845 г. в Квебеке, познавшем все ужасы и пороки разложившейся Европы (Ерофеев 1991: 570).

Очевидно, что автора, разговаривающего с читателем в таком стиле, сложно поймать за руку, так как в этих описаниях не больше конкретики, чем в характеристиках, которые дают русским писателям XX века в своём учебнике В. А. Зайцев и А. П. Герасименко² (Герасименко, Зайцев 2006). По существу, седьмой том содержит только одно подробное описание сюжета – романа Лоры Конан (Laure Conan, псевдоним *Félicité Angers*) «Анжелина де Монбрен» (*Angéline de Montbrun*):

Уже по жанру своему, сочетающему эпистолярную часть с объективным повествованием и интимным дневником героини, роман отличался от обычной литературной продукции. Действие его происходит в современную автору эпоху, и вместо легендарного героя в центре повествования – робкая, неуверенная в себе восемнадцатилетняя девушка накануне помолвки с любимым человеком. Однако сердце Анжелины принадлежит не только обаятельному Морису Дарвиллю, но – и это прежде всего – ее собственному отцу, который, будучи

---

² Ср. такую характеристику из этого опуса: «В лирике Х. УУ-х годов с особой полнотой и силой раскрылись существенные качества его реалистического стиля: демократизм, внутренняя емкость поэтического слова и образа, ритма и интонации – всех стиховых средств – при внешней их простоте и незамысловатости». Имя и временную привязку мы заменили криптонимами, к какому поэту могут относиться такие слова, читатель может попробовать угадать самостоятельно. Такого рода неспецифические «характеристики» в книге даются каждому автору.

вдовцом, воспитывал ее с детских лет. В конечном счете она теряет обоих. Отец погибает в результате несчастного случая. Вскоре после его смерти вследствие неудачного падения Анжелины уродует себе лицо, ее жених приходит в отчаяние. Но они уже помолвлены, и чувство долга, которому он не желает изменять, обязывает его жениться на изуродованной девушке. Понимая, однако, что жених более не любит ее, Анжелина отказывается от замужества и уединяется в доме, где провела с отцом радужные годы детства (Ерофеев 1991: 571).

Однако знакомство с романом подтверждает наличие в тексте и совмещения эпистолярного жанра и интимного дневника (роман открывается письмом действительно присутствующего в тексте возлюбленного Анжелины Мориса Дарвилля к сестре, а заканчивается дневниковой записью от 4 июня, и смерти отца Шарля), и обезобразившего восемнадцатилетнюю героиню падения, и её решения оставить Мориса после того, как его любовь превратилась в сплошное несчастье. Сравним с другим описанием этого же сюжета:

Angéline de Montbrun begins as an exchange of letters between Maurice Darville and his sister Mina. Maurice tells of his love for eighteen-year-old Angéline, who lives with her father, M. de Montbrun, at Valriant, an estate on the St. Lawrence River. Maurice realizes Angéline's devotion to her father: "Elle vit en lui un peu comme les saints vivait en Dieu". Nevertheless, the young man prospers in his suit and becomes Angéline's fiancé. This first part of the novel presents an idyll complete with Edenic references and an omnipotent father figure, the Seigneur of the Laughing Valley." Mina, the wittiest of correspondents and possessed of "l'humeur coquette" (29), according to M. de Montbrun, starts caring for the latter and is drawn into the charmed circle. What follows is the short, authorially narrated expulsion-from-Paradise part of the book. M. de Montbrun is fatally injured in a hunting accident, which causes Mina to enter a convent. Angéline suffers a disfiguration of

her face in consequence of a fall. We learn that “le cœur de Maurice Darville se refroidit, ou plutôt la divine folie de l’amour s’envola” (80). The rest of the novel consists of “Feuilles détachées”: Angéline's diary, interspersed with some letters. The orphaned Angéline never assents to Maurice's abiding wish to marry her, insisting that he is only motivated by pity and his sense of honor (Meindl 2002: 117).

Это даёт основание усомниться в правдивости описанной Ерофеевым истории подлога в академическом труде, а роль «Метрополя» в конструировании канадской литературы представляется не столь решающей. С другой стороны, взгляды канадской критики действительно, с известными поправками, сходны с теми эстетическими основаниями, на которые опирались оппоненты мятежного альманаха: «Писатели-реалисты обвиняются в том, что они, изображая лишь низменную действительность, не зовут к идеалу» (Ерофеев 1991: 570). «Низменная действительность» стала в своё время причиной упрёков, адресованных рассказам Ерофеева в «Метрополе», действие одного из которых происходит в отхожем месте.

Ещё несколько приводимых в статье Ерофеева фактов можно воспринять как глухие намёки на советскую литературную действительность. Так, например, в отрывке «В 1896 г. закрывается ведущий литературно-общественный журнал “Неделя”. Многие канадцы начинают покидать страну, среди них и писатели» (Ерофеев 1991a: 569) можно увидеть аллюзию на запрещение журнала «Ленинград» ровно через 50 лет, в 1946 г., на фоне второй волны эмиграции. Можно в этом увидеть и историю с запрещением самого «Метрополя», в результате которой некоторые писатели покинули страну (Ф. Горенштейн, Ю. Кублановский, Ю. Алешковский, В. Ракитин). При этом журнал «The Week» действительно издавался с 1883 по 1896 год. Или: «К 60-м годам литературная жизнь Квебека заметно оживляется» (Ерофеев 1991: 570). «Оживление» и «оттепель» настолько семантически и ассоциативно близкие понятия, а временная привязка Оттепели к шестидесятым годам на-

столько общеизвестна, что параллель, думается, не требует комментариев. Однако слова Ерофеева о том, что он придумал канадскую литературу, не сказав при этом «ни слова правды» сильно преувеличивают роль фантазии в тексте под обложкой «Истории всемирной литературы».

Сейчас трудно установить, на какие материалы опирался писатель-литературовед при создании своего текста. В цитированном мемуарном тексте он утверждает, что первоисточники ему были недоступны, но, как показывают разыскания, доверять свидетельствам В. Ерофеева было бы опрометчиво. В большинстве случаев для написания в итоге опубликованных «канадских» глав хватило бы самых общих сведений, которые можно найти даже в не слишком подробных энциклопедических справочниках. В библиографии к 7-му тому «Истории всемирной литературы» указаны две работы, которые с высокой вероятностью были доступны автору и могли быть использованы им при подготовке текста. Во-первых, незадолго до описываемых событий на русском языке была опубликована книга об англоязычной канадской литературе (Голышева 1979), учебный (а значит массовый) характер которой не оставляет сомнений в её физической доступности для заинтересованного читателя. Во-вторых, в фондах Российской государственной библиотеки имеется и франкоязычная книга о канадской литературе (Tougas 1967). Таким образом, доступные в Москве конца 1970-х и начала 1980-х литературоведческие работы о канадской литературе покрывали обе её составляющих: французскую и английскую. Это положение вещей само по себе ставит под сомнение безнадёжную картину, обрисованную Ерофеевым в воспоминаниях: даже если он не был знаком с текстами произведений, а сообщённого энциклопедией ему не хватало, существовали и другие источники, откуда сотрудник ИМЛИ мог почерпнуть сведения о канадском литературном процессе и его участниках. Описывая в мемуарах специализацию на канадской

литературе, Ерофеев сгущает краски, представляя дело в ракурсе, более уместном для в гораздо меньшей степени включённой в мировой контекст культурной традиции. Скажем, если бы на месте Канады было островное государство вроде Фиджи или Вануату, информационный вакуум был бы в данном случае более естествен. На деле же Канада с её литературой на распространённых языках и высоким уровнем жизни находится в гораздо более выгодном положении, чем то, в актуальности которого убеждает своего читателя Ерофеев.

Восьмой том также воспроизводит череду вполне реальных имён канадских писателей, даже исправно цитирует стихотворение Р. Сервиса «Моя мадонна». Можно сравнить приведённый в тексте подстрочник и оригинал:

Я скрыл всю грязь ее души; // Я написал ребенка у ее груди; // Я написал ее такой, какой бы она могла быть; // Если бы Худшее было Лучшим. I hid all trace of her heart unclean; // I painted a babe at her breast; // I painted her as she might have been // If the Worst had been the Best (Service 1989: 20).

Но, в основном, Ерофеев воздерживается от подробного изложения сюжетов упоминаемых романов. Про редкое исключение, роман «Иностранец» Ральфа Коннора, можно сказать, что, как и пишет Ерофеев, речь там действительно идёт о русском нигилисте. В параграфе о франкоязычной литературе снова воспроизведён весь текст предыдущего тома о романе «Анжелина де Монбрен» с присовокуплением цитаты из предисловия к произведению, написанного аббатом Касгреном: «закрыв книгу, испытываешь чувство, “будто вышел из церкви, обратя взгляд в небо, с молитвой на устах”» (Ерофеев 1994: 547). Действительно, аббат Касгрэн так и пишет: «En un mot, c'est un livre dont on sort comme d'une église, le regard au ciel, la prière sur les lèvres» (Casgrain 1884: 8).

Определённое наложение истории канадской литературы в версии Ерофеева на его собственные литературные пристрастия

обнаруживается в пассаже о Э. Неллигане (Ерофеев 1994: 547–548). Канадский писатель настойчиво сопоставляется с проклятыми поэтами. В этом контексте бессмысленно вспомнить книгу «Русские цветы зла» (Ерофеев 2004), где Ерофеев значится составителем. Название не случайно отсылает к знаменитому сборнику Бодлера, который ретроспективно стал восприниматься как «проклятый поэт» и непосредственный предшественник Рембо, Верлена и Малларме. Ерофеев настойчиво подчёркивает «болезненность» и нервозность стихов Неллигана, которые для самого Ерофеева в свете его документированного интереса к де Саду и ряду других неклассических авторов, очевидно, обладают определённой долей литературной притягательности. Но и в этом пассаже читатель может лишь соотносить достоверно воспроизведённые биографические детали с потенциальными параллелями из жизни и творческой деятельности Ерофеева. Мы не находим ничего, что бы на фактическом уровне дало повод упрекнуть автора главы в академическом труде в подлоге.

Итак, градус вымысла в истории канадской литературы не так велик, как писатель представил это в автобиографии. Перед нами мистификация мистификации: попытка выдать за вымысел то, что в действительности им не является. Но в какой бы момент Ерофеев ни мистифицировал читателя, когда писал эту историю или когда признавался в подлоге, он подводит нас к проблеме адекватности литературоведческих моделей реальности: «Это было мое возмездие – кому? чему? Скорее, самому литературоведению. История любой литературы – фикция, поскольку литература, если о ней вообще можно говорить как о предмете, существует за рамками не только истории, но и правдоподобия» (Ерофеев 2008: 346).

Верить объяснению писателя нельзя, а писателю, однажды уже обманувшему – нельзя вдвойне. Хотя на некоторый клю-

чевой аспект предпринятого Ерофеевым жеста этот «дисclaimer» всё же указывает. Писатель особым образом обозначает антагонизм литературоведения и творчества, очевидно отдавая предпочтение второму перед первым. В контексте современных литературных явлений можно считать это выступлением против столь популярного на Западе филологического романа (образца А. Байетт и Дж. Барнса), фактически объединяющего литературоведение и писательство на идеологической базе филологии. Полемичность жеста Ерофеева в намеренном занижении ценностного статуса науки о литературе, подкрепляемым личным опытом. В создаваемой писателем схеме как бы прочитывается признание: «я тоже был литературоведом, я тоже создавал фальшивки». В рамках этого исповедального сюжета закономерно, что признание перед читателями делает Ерофеев уже сейчас, превратившись из литературоведа в писателя, а значит, выбрав стезю искренности.

Так бы выглядел подлог Ерофеева в «Истории всемирной литературы», если бы он действительно имел место. Но особенностью применённого писателем приёма по сравнению с тем, что происходило в литературе, к примеру, XIX века, следует считать реверсивность всей конструкции. Если П. Мериме выдавал за подлинные тексты, ассоциирующиеся со своего рода необычностью и даже экзотикой, которая оставалась свойством славянской культуры для французов ещё долгое время, то Ерофеев, напротив, пытается превратить в «особенный» текст научный – принципиально сухой и типовой. То есть мы видим перед собой попытку превращения уже сформировавшегося в своей определённости произведения в текст неопределённого статуса, близкого к художественному, что дополнительно подчёркивается характеристикой процесса его создания («фламбуаянтно»).

Стоящая за попыткой девальвировать ценность итогового литературоведческого труда провокативность, разумеется, хорошо согласуется с поэтикой Ерофеева-писателя, ставящего

в центр своего художественного мира те самые особенности, которые привлекли Ерофеева-историка литературы в Э. Неллигане. Болезненность и отчуждённость (например, от среды собратьев-литературоведов) легко угадываются и в аксиологическом уничтожении результатов труда, бывшего когда-то важной частью личной истории, и в стремлении сделать это с помощью многослойного обмана.

Таким образом, история о несостоявшейся мистификации подана как демарш, обозначающий резкую границу между писателем, носителем Истины, и историком литературы, обманщиком по определению. Занятно, что изначально роли между этими актантами распределены в культуре противоположным образом: это писателю назначено быть рассказчиком небылиц, а учёному – дознавателем истины. Такой перевёртыш, конечно, сам по себе есть реализация литературной формы неклассического типа, а тот факт, что в его основании лежит фантом, обман об обмане, возвращает именам их исконное значение.

ЛИТЕРАТУРА

Герасименко, А. П., Зайцев, В. А.: 2006, *История русской литературы второй половины XX века*, Москва: Высшая школа.

Гольшева, А. И.: 1979, *Англоязычная литература Канады*, Москва: Просвещение.

Ерофеев, Виктор: 2008, *Хороший Сталин*, Москва: Зебра Е.

Ерофеев, Виктор (сост.): 2004, *Русские цветы зла*, Москва: Зебра Е, АСТ.

Ерофеев, В. В.: 1991, 'Литература на французском языке: [Канадская литература второй половины XIX в.]', *История всемирной литературы: В 8 т.*, Москва: Наука, т. 7, с. 569–571.

Ерофеев, В. В.: 1991а, 'Литература на английском языке: [Канадская литература второй половины XIX в.]' *История всемирной литературы в 8 томах*, Москва: Наука, т. 7, с. 568–569.

- Ерофеев, В. В.: 1994, 'Франкоязычная литература: [Канадская литература на рубеже XIX и XX веков]' *История всемирной литературы в 8 томах*, Москва: Наука, т. 8, с. 546–548.
- Casgrain, H.-R.: 1884, 'Etude sur Angéline de Montbrun', L. Conan, *Angéline de Montbrun*, Québec: Imprimerie Leger Brousseau, p. 5–24.
- Meindl, Dieter: 2002, *North American Encounters: Essays in U.S. and English and French Canadian Literature and Culture*, Münster: Lit.
- Service, Robert: [1989], *The Best of Robert Service*, New-York: Perigee Books.
- Tougas, Gérard: 1967, *Histoire de la littérature canadienne-française*, Paris: Presses universitaires de France.